

мощи, как не в том, что она может управлять сердцами людей так, что нежелающего делает желающим, а желающего нежелающим, как она это и делала, и делает. А что она возвышена честью, это бесспорно. Разве слуги ее не превосходят славой любых государей, маркизов, графов и вельмож? Это не нуждается ни в каком доказательстве. А как прославляет она своих близких, мы это знаем сами, пренебрегая благодаря сладости ее славы своим изгнанием. Поэтому мы должны заслуженно провозгласить ее блистательной.

XVIII.

Не без основания отмечаем мы эту блистательную народную речь и вторым прилагательным, называя ее осевой. Ибо, подобно тому как дверь всецело зависит от оси и, следуя повороту оси, отворяется или внутрь, или наружу, так и все скопище городских говоров поворачивается туда и сюда, следуя в движении и остановке той, которая поистине является главой семьи. Разве не искореняет она день за днем тернистых зарослей из италийского леса? Разве не прививает она день за днем черенков и не пересаживает саженцев? Чем другим занимаются ее ревностные земледельцы, как не упомянутой выполкой и пересадкой? Поэтому она вполне заслуживает такого существенного наименования. А причина нашего названия ее придворной та, что, будь у нас, италийцев, королевский двор, она стала бы палатинской. Ибо если королевский двор является средоточием всего королевства и августейшим правительством для его частей, то и эта речь должна быть общей для всех, а не чьей бы то ни было частной собственностью и ей следует пребывать и обитать при дворе; и никакая иная обитель не достойна такой обитательницы, каковой является народная речь, о которой мы говорим. И поэтому-то пребывающие во всех королевских дворцах всегда пользуются блистательной народной речью; вследствие этого и получается, что наша блистательная речь кочует, как чужестранка, и находит приют в ничтожных убежищах, потому что королевского двора у нас нет. Заслуживает она и названия правильной, потому что правильность есть не что иное, как проверка того, что надо обрабатывать правилом; а так как прибор для такого рода выверки имеется обычно лишь у высочайших правительств, то и все хорошо выверенное и исполненное может называться правильным. Вследствие этого народная речь, когда она выверена высочайшим италийским двором и судилищем, заслуживает названия правильной. Но ведь говорить, что она выверена высочайшим италийским двором, смешно, раз у нас такового не имеется. На это возразить нетрудно. Ибо, пусть и нет в Италии единого всеобщего правительства, подобного правительству Германии, в членах его, однако, нет недостатка; и как члены упомянутого правительства объединяются единым государем, так членов нашего объединяет благодатный светоч разума. Поэтому считать италийцев лишенными единого высшего управления было бы ложно, так как, хотя мы и лишены государя, у нас есть курия, несмотря на то, что тело ее расчленено.

XIX.

И эта народная речь, которая показана блистательной, осевой, придворной и правильной, есть, мы утверждаем, та самая, которая зовется народной италийскою речью. Ибо, подобно тому как найдется некая народная речь, присущая Кремоне, так найдется и некая присущая Ломбардии; и как найдется речь, присущая Ломбардии, так найдется и такая, которая присуща всей левой Италии; и как найдутся все эти народные речи, так найдется и та, которая принадлежит всей Италии в целом. И подобно тому, как одна зовется кремонской, другая – ломбардской, а третья – речью половины Италии, так и эта, принадлежащая всей Италии, называется народной италийскою речью. Ведь ею пользуются в Италии блистательные мастера поэтических творений на народном языке – сицилийцы, апулийцы, тосканцы, романьольцы, ломбардцы и мужи обеих марок.

А так как намерением нашим, о чем говорилось уже ранее, было изложить учение о народном красноречии, начиная с этой самой речи, как самой превосходной, мы будем в последующих книгах говорить о тех, кого мы считаем достойными пользоваться ею, и почему, и каким образом, а равно и где, и когда, и к кому следует ее обращать. Осветив это, мы постараемся